

Дети войны

Так называют граждан бывшего Советского Союза 1927–1945 годов рождения. Все они перенесли на своих хрупких детских плечах невиданные лишения, связанные с попытками германского фашизма поработить их Родину. Всех детей войны по сложности их жизненных судеб можно разделить на три категории:

- **дети, находившиеся на временно оккупированной территории;**
- **дети, пережившие блокаду;**
- **дети тыла, а точнее сказать, трудового фронта.**

Детям первой категории пришлось столкнуться с жестокостью фашистов непосредственно: изъятие у семьи продуктов питания, угон в Германию, содержание в концлагерях за ключей проволок, взятие крови для раненых немецких солдат.

Страшным бичом для второй категории были холод и голод, постоянные бомбёжки и обстрелы. Трагическим примером может служить судьба девочки из блокадного Ленинграда Тани Савичевой, дневник которой стал одним из доказательств на Нюрнбергском процессе преступлений фашистов.

Характерными для детей тыла были беспризорность (папа — на фронте, мама — почти круглосуточно на работе), постоянное недоедание, нехватка одежды.

Именно к этой категории можно отнести и меня с поправкой на особенности проживания в сельской местности.

О себе: ветеран Вооружённых сил, в недавнем прошлом курирующий в ЦНИИмаше опытно-конструкторские работы по ракетно-космической технике, будучи военным представителем Министерства обороны. Несмотря на почтенный возраст (родился в 1938 году), память сохранила отдельные моменты из раннего детства, по которым можно судить о жизни не только одного ребёнка и его родителей, но и села в целом.

Эпизод 1. Мне около трёх лет

Как сейчас помню, светило яркое солнце. Я еду на повозке с отцом, который всё время подёргивает вожжи, покрикивая: «Но... но...!» Я смотрю по сторонам: так хочется, чтобы кто-нибудь из ровесников увидел нас и позавидовал мне. Далеко не у каждого мальчишки есть такая возможность. А мой отец работал учётчиком в правлении колхоза и разъезжал по делам на лошадях.

Итак, мы едем по селу. Отец здоровается с женщиной, сидящей на лавочке у дома. Та, ответив на приветствие, даёт знак подождать её и уходит в дом. Возвращается и, улыбаясь, говоря какие-то слова, даёт мне несколько кусочков оранжевой тыквы. Поехали дальше. Я принялся тут же уплетать угощение. Оглянувшись, отец говорит: «Не забудь мамке оставить». Вовремя сказал. У меня остались два кусочка, которые я и привёз маме.

Нетрудно представить, какой уровень жизни был у колхозников перед войной, если угощением для ребёнка была обыкновенная тыква.

Эпизод 2. Мне четвёртый год

Мы остались без отца. Он ушёл на фронт. Помню мрак и в доме, и

на улице, может быть, потому, что была зима. Прошу у мамы кушать. «Потерпи, сынок, — ответила она. — Сегодня я принесу много мяса, нам надолго хватит». И ушла. Долго её не было. Вернулась с тяжёлой ношей. В мешке действительно было много мяса. Некоторые куски были покрыты кожей с шерстью. Мама стала готовить разные блюда из мяса: котлеты, пирожки, холодец... Позже я узнал, что это было мясо лошади, которая попала в польню на Волге, утонула и замёрзла. И вот мама и ещё несколько женщин (мужчины-то почти все ушли на войну) выдолбили эту лошадь из льда и разделили между собой.

Эпизод 3. Мне примерно 3,5 года

Мама ушла в поле работать. Мне поручила нянчить маленькую сестрёнку Марусю. И вот эта Маруся начала громко плакать, находясь в самодельной люльке, подвешенной под потолком. Я качаю, а она ещё громче орёт. Злюсь. Начинаю раскачивать так, что сестрёнка чуть из люльки не вылетает. Тщетно.

Пришла мама, сказала: «Да она просто хочет есть». И начала её кормить — разжёванный хлеб положила в марлечку, скрутила. Получилось что-то похожее на соску с круглым комочком на конце, который она и сунула ребёнку в рот. Малышка начала жадно сосать...

К сожалению, через некоторое время сестрёнка заболела и умерла. Как-то я проснулся ночью, зову маму, чтобы она сняла меня с печки в туалет. Вот в этот момент запечатлилась в моей памяти картина: у стены между окнами стоит стол, на котором лежит мёртвая Маруся. На стене — чьё-то закрытое зеркало. Слева в углу под потолком перед иконой горит лампадка. Около стола стоит стул, на котором сидела мама.

Когда я сделал «свои дела», мама взяла меня на руки и понесла обратно к печке. Приблизившись к печке, она вдруг начала падать. Я ударился головой так, что из глаз «посыпались» искры, и было очень больно. В голове загудело. Мама начала охать, ахать, гладить меня по голове. Когда боль немного утихла, она подняла меня на печку и вернулась к умершей дочке.

А вот похороны Маруси почему-то не сохранились в памяти.

Кстати, у нас в семье, как и в других семьях односельчан, рождалось много детей. Но большинство из них умирали. Мама родила 14 детей — семь мальчиков и семь девочек. А до взрослой жизни

ни дожили только четверо — три девочки и один мальчик. У маминей сестры родилось восемь детей. Шесть умерли. Это показатель низкого уровня медицинского обслуживания на селе в описываемое время.

Эпизод 4. Мне около четырёх лет

За большим кухонным столом сидят солдаты, прижавшись друг к другу. Мама ставит на середину стола высокую стопку блинов. К ней сразу потянулся лес рук. На столе появилась ещё одна порция блинов.

Я стою в сторонке, наблюдаю за происходящим и, что называется, глотаю слюнки. Шум. О чём-то говорят. Я, конечно, ничего не понимаю. И вот один военный, заметив меня, что-то сказал другому, сидящему ко мне спиной. Тот повернулся и угостил меня блином. Через некоторое время я получил ещё один блин. Очень вкусные были блины, источающие аромат сливочного масла.

Много позже я узнал, что в нашем селе временно базировалась

да Волга замерзала, мама, как и многие сельчане, ходила по льду за дровами через протоку реки на остров Шишкин, сплошь покрытый деревьями и кустарником.

И вот однажды жду маму из леса. Стёкла окон полностью покрыты снежным налётом. С помощью дыхания и ногтей пытаюсь освободить от снега кусочек стекла — так хочется увидеть, как мама будет подходить к дому.

Помещение остыло настолько, что в ведре замёрзла вода. Хочется пить. Обнаруживаю в кружке остатки замёрзшей воды. Ножом выдалбливаю кусочки льда и кладу в рот. Гоняю льдинки языком, чтобы не сильно ломило зубы. От проглатываемой холодной влаги дрожь по телу увеличивается. Смотрю на бегающих по комнате козлят и удивляюсь: почему им не холодно? Они резвятся, бодаются друг с другом, прыгают на стул, со стула на стол, со стола на пол. Беру одного козлёнка, прижимаю к груди. От него исходит тепло.

Опять очищаю кусочек стекла и гляжу на улицу. Мне кажется, что мамы слишком долго нет. Вдруг вижу: две тётки ведут её под руки. Оказалось, таща на горбу вязанку дров, мама поскользнулась и ударилась головой о лёд. Через некоторое время кто-то принёс мамини дрова, затопили печь, подоили корову...

На другой день мама поднялась с постели и начала заниматься домашними делами. Она ещё долго жаловалась на головную боль и головокружение.

Эпизод 6. Мне пятый год

Слышу гул самолёта. Кто-то на улице кричит: «Спасайтесь! Сейчас бомбить будут». Во двор вбегает мама с испуганным лицом, хватая меня за руку: «Быстро бежим в яму!» Побежали на огород. Там оказалась заблаговременно кем-то вырытая яма квадратного сечения. Спустились в неё по деревянной лестнице. Где-то далеко послышались разрывы. Мама закрыла меня собой.

Как потом рассказывали, группа вражеских самолётов бомбила нефтебазу на окраине города Камышина примерно в 20–25 километрах от нашего села на правом берегу Волги. Один из самолётов при возвращении сбросил остатки бомб на наше село. Бомбы взорвались в стороне, не причинив никому вреда.

Уже смеркалось, когда мы решили покинуть укрытие. Выходя из огорода, мама обратила моё внимание на небо. Где-то в стороне Сталинграда оно было окрашено в жёлто-оранжевый цвет. «О, Господи, ведь там же люди. Как можно выжить в таком огне?» — всхлипывая, произнесла мама.

Этот момент не только запомнился мне, но и зародил во мне особый интерес к сталинградской эпопее. Не раз я перечитывал книгу моего тёзки Василия Ивановича Чуйкова «Начало пути». Именно армия под его командованием отставала каждую улицу, каждый дом, так и не позволив врагу овладеть городом полностью и выйти к Волге.

В кратком изложении события в Сталинграде мною были представ-

лены в статье «Сталинградская битва», опубликованной в «Калининградской правде» к 65-летию победы в Великой Отечественной войне (№49 от 6.05.2010 г.).

Предполагаю, что зарево над Сталинградом мы с мамой наблюдали 23 августа. Вот как описывается в упомянутой статье этот день. «...На город были сброшены тысячи фугасных и зажигательных бомб. Столбы пыли, дыма и огня поднялись над городом. Горели надводные суда, пристани, нефтехранилища. Пламенем была покрыта поверхность Волги в районе города — горели разлитая нефть и нефтепродукты...»

Примерно в этот период времени произошёл на первый взгляд незначительный эпизодик, который, однако, я помню до сих пор, потому что он произвёл на меня сильное впечатление.

Как-то я увидел, что некто, сходя под забором в туалет, воспользовался клочком газеты с портретом Сталина. Было испачкано лицо вождя. Я оторопел и стал оглядываться по сторонам. У меня не было сомнений, что так мог поступить только враг, шпион. Быстро побежал к маме рассказать о случившемся. Была уверенность, что она тут же заявит «куда следует». Но мудрая мама успокоила: шпион так бы не поступил, да ему в селе и находиться неинтересно, а газетой могли воспользоваться ночью, не заметив портрета.

Удивительно, насколько непрекращаемым авторитетом Сталина, даже в сёлах, даже среди малых детей. Это при том, что не было радиоприёмников, телевизоров, да и газеты были доступны далеко не каждому.

Эпизод 7. Мне пять лет

У нас в сарае были два самодельных гнезда из соломы, куда куры откладывали яйца. Иногда забирал их я и отдавал маме. Я знал, что часть яиц она относил в правление колхоза то ли для погашения долга, то ли в качестве налога. Тогда я этого не понимал. Может быть, поэтому я не смел употреблять яйца без разрешения. А вот когда находил их в других местах (среди поленьев дров, в остатках сухого сена, в сухом мусоре), то смело выпивал, успокаивая свою совесть убеждением, что эти яйца отложили не наши, а соседские куры.

А тут как-то к вечеру состоялся примерно такой разговор с мамой: «Ты куда дел сегодняшние яйца?»

— Никуда. Их сегодня не было.

— А куда же они делись?

— Не знаю.

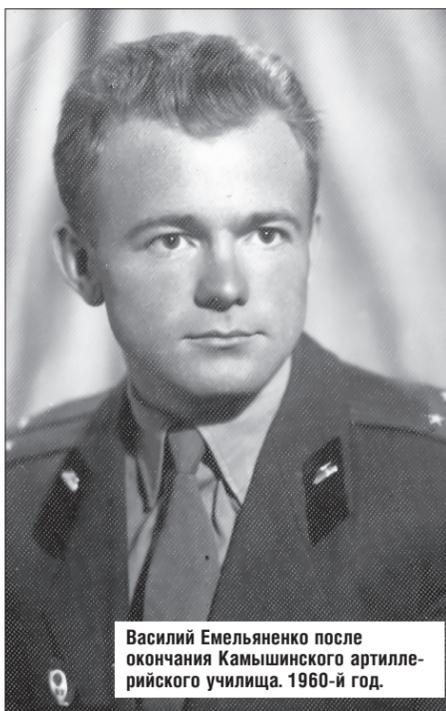
— Как тебе не стыдно. Выпил, так хотя бы имел смелость признаться.

Мама продолжила меня стыдить, даже не слушая моих возражений.

Но ведь я действительно яйца не брал. И от невозможности это доказать у меня случился нервный срыв. Я начал громко кричать: «Не брал, не брал, не брал...», кататься по траве, порвал на себе рубашку... Теперь-то я могу признаться, что в моём «срыве» был элемент театральности — таким способом хотелось доказать маме свою правоту.

К моему удивлению мама никак не реагировала на мою истерику.

(Окончание на с. 5)

Василий Емельяненко после окончания Камышинского артиллерийского училища. 1960-й год.